

СЕРАЯ СОВА

САДЖО И ЕЕ БОБРЫ

Серая Сова

Саджо и ее бобры

Издательство «Детская литература»

1940

УДК 821(71)-31
ББК 84(7Кан)-44

Серая Сова

Саджо и ее бобры / Серая Сова — Издательство «Детская литература», 1940

ISBN 978-5-08-005725-0

Повесть канадского писателя об охотнике-индейце и его детях, приручивших двух бобров, об их приключениях в глухих лесах Севера и в шумном городе. Для среднего школьного возраста.

УДК 821(71)-31
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-08-005725-0

© Серая Сова, 1940
© Издательство «Детская литература», 1940

Содержание

Серая Сова и его книги	6
Глава I. Страна северо-западных ветров	12
Глава II. Гитчи Мигуон – большое перо	15
Глава III. Бобровый дом	19
Глава IV. Первое приключение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Серая Сова

Саджо и ее бобры

© Макарова А. Ю., наследники, перевод и предисловие, 1940

© Мясоедов В. П., рисунки, 1978

© Мясоедов В. П., рисунки на переплете, 2017

© АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

Серая Сова и его книги

1

Прежде чем познакомить читателя с биографией индейского писателя Серой Совы, автора повести «Саджо и ее бобры», мне хочется рассказать немного о его книгах и о том, как они стали достоянием русской литературы.

Как и дети во всем мире, мы в детстве любили играть в индейцев и очень любили литературу об индейцах. Но мы не знали ни одной книги, автором которой был бы индеец.

Интерес к индейцам у меня остался на всю жизнь. Когда я стала писательницей, я мечтала найти в сокровищнице мировой литературы книгу, написанную индейцем. Я следила по журналам, просматривала картотеку в разных библиотеках, и особенно в Библиотеке имени Ленина, в Исторической библиотеке, в Библиотеке иностранной литературы.

Наконец моя мечта сбылась. Весной 1937 года, просматривая журналы, я нашла в американском журнале «Естественная история» восторженную статью одного ученого о повести «Саджо и ее бобры» индейского писателя Вэша Куоннезина. Мне удалось выписать эту повесть из Америки, и я была счастлива, когда наконец держала в руках книгу *индейского* автора. Не теряя времени, я начала работать над ее переводом.

Скоро я узнала, что над одним из произведений Серой Совы работает также писатель М. М. Пришвин. Было бы обидно, если бы мы переводили одну и ту же книгу. Я позвонила по

¹ Под именем Серой Совы жил и создавал свои произведения канадский писатель английского происхождения Арчибальд Стэнфелд Билэйни. Он сам называл себя индейцем, взял индейское имя, жил среди индейцев и писал о жизни индейцев, скрывая свое истинное происхождение. И читатели верили его вымышленной биографии, которую он включал в предисловия к своим книгам. Тайна постепенно раскрывалась журналистами только после его смерти в 1938 году. Открывая в конце 1930 – начале 1940-х годов для русского читателя Серую Сову, отечественные литераторы еще не могли знать всей правды. Они несколько не сомневались, что переводят произведения именно индейского писателя, и пересказывали факты его жизни с его слов. Чтобы не вводить в это заблуждение современных читателей, статья дается с незначительными сокращениями и исправлениями.

телефону Михаилу Михайловичу, и мы встретились. Он мне сказал, что работает над пересказом автобиографической повести индейского писателя – «Странники лесной глуши», изданной в Лондоне. Серая Сова уже был знаменитым писателем.

После встречи с Михаилом Михайловичем я снова села за работу над переводом «Саджо и ее бобры». Я работала с большим напряжением душевных сил, стараясь дать нашему читателю такую же прекрасную повесть на русском языке, как Серая Сова написал на английском. Особую прелесть его языку придает то, что он невольно вносит интонацию индейской речи. «Ведь язык индейцев, – по словам Серой Совы, – напоминает журчание ручейка, вздохи ветра и шепот листьев».

Скоро наши книги увидели свет. Повесть «Саджо и ее бобры» в моем переводе была издана Детиздатом в 1940 году. Пересказ М. Пришвина повести индейского писателя «Странники лесной глуши», которому он дал название «Серая Сова», был издан тоже Детиздатом в 1939 году. И лишь много лет спустя мне удалось найти и перевести на русский язык последнюю книгу Серой Совы – его лебединую песнь – «Рассказы опустевшей хижины». В нее вошли воспоминания писателя, рассказы о Дикой Природе, а также рассказ-легенда «Сосна», повествующий о трагической судьбе племени черноногих. Эта книга была издана «Молодой гвардией» в 1974 году.

Все произведения Серой Совы автобиографичны, и мой рассказ о жизни индейского писателя перекликается с его рассказами.

* * *

Серая Сова родился в 1888 году. Его индейское имя – Вэша Куоннезин, в переводе на русский язык – «Тот, Кто Охотится По Ночам», так называло будущего писателя племя оджибуэй, в котором он жил.

А американцы и англичане называют его Грей Оул – Серая Сова, это точный перевод с английского.

В 1906 году Серая Сова покинул Англию. Добравшись до Канады, он отправился в глухой и суровый край Северного Онтарио, где кочевали индейцы племени оджибуэй. Они приняли его, познакомили со своими традициями и обычаями, открыли секреты охоты и многие тайны Дикой Природы, которую завещали беречь и любить. И в сердце Серой Совы всю жизнь теплилась любовь и благодарность к этим простым и добрым людям, которые стали ему семьей.

Дикая Природа Северного Онтарио, с ее скалистыми горами, поросшими дремучим лесом, многочисленными озерами и быстрыми реками, стала родной стихией Серой Совы. На легкой ладье из березовой коры он путешествовал по дальним водным путям, преодолевая водопады и стремнины.

Несколько лет Серая Сова провел на гористых берегах и быстрых водах реки Миссисауги. Он занимался охотой, работал носильщиком и проводником и заслужил славу лучшего гребца в округе. В зрелом возрасте, когда Серая Сова стал писателем, он посвятил много восторженных строк этой неукротимой, рокошующей водопадами реке.

И подвиг Шепизна, героя повести «Саджо и ее бобры», преодолевшего водопады и стремнины грозной реки во время лесного пожара, – это также подвиг самого автора, о чем он вспоминает с большой поэтической силой в рассказе «Прощание»².

Во время Первой мировой войны британские власти Канады призвали Серую Сову в армию; пришлось ему надеть английскую военную форму и ехать за океан воевать.

Когда в 1917 году Серая Сова вернулся в провинцию Онтарио, он нашел здесь ужасное опустошение: прокладывая железную дорогу, колонизаторы безжалостно жгли леса, где коче-

² Серая Сова. Рассказы опустевшей хижины. М., 1974.

вали и охотились индейцы. Изгнанные страшным пожаром из родных мест, индейцы не знали, где найти спасение.

Серая Сова очень тяжело переживал эту трагедию: «Индийская граница отступала, я спешил за ней». Он отправляется в далекое странствование на своем легком каное – лодке из бересты – по извилистым водным путям, с неотступной мечтой найти такой лес, в котором бы еще могли водиться бобры. В этом опустошенном, разоренном краю, который он называет «страной, у которой вырвано сердце», он встретил знакомых и узнал от них много печальных новостей об индейцах.

Два с половиной года странствовал Серая Сова в поисках леса, где еще водились бобры (ведь бобры в представлении индейцев – душа их кочевья). Во время этого странствования он встретил девушку из племени ирокезов по имени Анахарео. Она стала его женой, и они вместе продолжали скитания в поисках девственных лесов.

Поздней осенью, когда уже начались заморозки, после долгого и тяжелого странствования, Серая Сова добрался до сказочно красивого Березового озера в провинции Квебек, граничащей с провинцией Онтарио. На берегах этого озера, покрытых диким лесом, он нашел бобровые жилища. Но и здесь белые охотники со сворой собак безжалостно уничтожали этих редких зверьков. Серая Сова проводит бессонные ночи, охраняя бобров – Младших Братьев, как их ласково называют индейцы.

Среди старых сосен, на берегу Березового озера, Серая Сова выстроил хижину, где и поселился всей семьей – с Анахарео и двумя маленькими осиротевшими бобрятами (бобриха-мать попала в капкан), которых он подобрал на пути своих странствований. Наблюдая этих зверьков, удивительно похожих на маленьких детей, горюя о гибели леса, Серая Сова решил написать книгу в защиту бобров, четвероногих тружеников леса, и навсегда с тех пор перестал охотиться.

«Лес научил меня все больше и больше любить миролюбивых интересных зверей, которые жили вместе со мной в этой стране Тишины и Теней. Он вызвал у меня отвращение к охоте, к убийству. Итак, в конце концов я отложил в сторону ружье и капканы и стал работать в защиту тех, кого я раньше преследовал».

В сердце Серой Совы вспыхнуло неудержимое желание рассказать людям о своей тревоге. Он решил стать писателем. Внимательно, день за днем он наблюдал за бобрами и делал подробные записи. Наблюдал он и других четвероногих и пернатых обитателей леса. Но из записи наблюдений еще не получались ни рассказ, ни статья. У Серой Совы и Анахарео было несколько книг, и они не упускали возможности достать еще где-нибудь книгу. Серая Сова читал и старался понять, в чем мастерство писателя.

Мысль опубликовать свои статьи и рассказы появилась у Серой Совы вместе со страстным желанием возбудить в людях протест против варварского истребления бобров. Серая Сова умел убеждать. Его выступления взволновали сердца людей. А в начале 1930-х годов в Англии были напечатаны его первые рассказы. Канадское правительство издало суровый закон, запрещающий ловлю бобров. Оно выделило огромные лесные территории, где нельзя было не только убивать, но даже беспокоить их.

Канадские ученые обратили внимание на самоотверженную работу Серой Совы по охране бобровых колоний в лесу и на любовную работу с ручными бобрами, над которыми он вел наблюдения в своей хижине.

Скоро Серая Сова вместе со своими питомцами появился на экране кинематографа.

Но мысль его постоянно возвращалась к печальной судьбе его братьев-индейцев, изгнанных лесным пожаром с родных мест.

«Мои воспоминания, – пишет Серая Сова в автобиографии, – неудержимо несутся к берегам Миссисауги, ревущей среди горных берегов, к голубому дымку, струящемуся над янта-

рями гаснущих костров, к спокойным, вдумчивым индейцам, расположившимся лагерем у быстрых вод.

И мое сердце в щемящей тоске тянется к этим простым и добрым людям, друзьям и учителям юности, обычаи которых стали моими обычаями, их вера – моей верой, к людям, которые теперь смотрят в лицо своей гибели спокойно и безнадежно, оставаясь в своих дымных хижинах, среди обнаженных пустырей, где свистит ветер».

С этим грустным настроением он пишет свою первую книгу – «Исчезающее кочевье».

Прошло немного времени после выхода из печати этой книги, и канадское правительство пригласило Серую Сову на пост хранителя заповедника в Канадском национальном парке, в провинции Саскачеван.

Серая Сова никогда не служил – он был кочевником от природы и по воспитанию, которое ему дали индейцы. Но охрану Дикой Природы он считал своим долгом, он служил этому делу в одиночку, своими слабыми силами. Работа в заповеднике предоставит ему большие возможности. Недолго колебавшись, он дал свое согласие. Таким образом индеец Вэша Куон-незин был зачислен в штат служащих государственного заповедника в Саскачеване.

Отдавшись с беззаветной преданностью любимому делу, Серая Сова завязывал дружбу с дикими обитателями леса – бобры даже устроили хатку в его хижине. Здесь, в лесной хижине, выстроенной по образцу той, которую Серая Сова построил собственными руками на живописных берегах Березового озера, родилась дочка, которую назвали Даун – Заря.

Но несмотря на то что Серая Сова получал большое удовлетворение, отдавая свои силы любимому делу – охране природы, несмотря на то что он был счастлив в семье, временами его мучала тоска по ставшему родным кочевью.

«Зимой я выхожу на свое заснеженное озеро, на берегу которого в уютной безопасности спят мои бобры. Я наслаждаюсь неистовым ревом бурана, ликую в суровых объятиях Ки-Уэйдина – странствующего ветра индейцев, который примчался из далекого уединенного края, где, быть может, мне уже не суждено побывать. И вот он помчался дальше, и мне его не догнать».

Это строки, проникнутые тоской по родному краю, из предисловия к английскому изданию «Рассказов опустевшей хижины».

В далеком Саскачеване на посту хранителя заповедника индейский писатель Вэша Куон-незин – Серая Сова – написал большинство своих прекрасных книг, проникнутых глубокой любовью к Дикой Природе.

Здесь же он написал детскую повесть «Саджо и ее бобры», когда уже был знаменитым писателем.

Эту повесть Серая Сова посвящает «детям всего мира и всем, кто любит тишину природы». Он посвящает ее *Детству*, той нежной поре в жизни человека, когда, по словам автора, он живет «в зачарованной долине золотых грёз».

Все, что написано в этой повести, – правда, так же как и то, что написано во всех других произведениях Серой Совы.

«События, описанные в этой скромной повести, – пишет Серая Сова в предисловии, – не во всех случаях произошли в том хронологическом порядке, в котором они представлены здесь. Но все они действительно были и остались у меня в памяти».

Работая над иллюстрациями к повести «Саджо и ее бобры», Серая Сова старался изображать все как можно ближе к действительности и поэтому предпочел контурные рисунки. Только в одном случае, по собственному признанию, Серая Сова изменил точности изображения: он нарисовал лося с большими рогами, хотя описываемые события происходили в мае месяце, когда у лося еще не выросли рога, и так он выглядит лишь позже – летом. В этом случае он подчинился инстинкту художника, потому что безрогий лось больше похож на мула³.

³ Воспроизвести некоторые карандашные рисунки Серой Совы трудно полиграфически, поэтому книга идет с новыми

Серая Сова очень требователен к себе и добивается правдивого описания природы и ее обитателей.

«Портреты животных, так же как и другие зарисовки, – говорит Серая Сова в том же предисловии, – мною сделаны очень тщательно. Мне хотелось обогатить восприятие юного читателя такими впечатлениями, которые и в дальнейшем не были бы осуждены им как сплошной вымысел. Мне хотелось написать такую книжку для детей, которую и взрослые прочли бы без чувства снисхождения».

Мечта Серой Совы сбылась: его поэтическую повесть для детей полюбили все: и дети, и взрослые, полюбили люди во всем мире, и она переведена на многие языки разных народов.

Серая Сова – верный сын индейского народа. Он хранит заветы своего племени, традиции родового общества индейцев, и это, как в зеркале, отражается в его повести.

Образы индейцев, и особенно героев-детей, описания девственной природы, с ее вековыми лесами, «шепчущимися листьями», быстрыми реками и зеркальными озерами, с ее фауной и особенно бобрами, запечатлены Серой Совой так тепло и таким ритмичным языком, что эту повесть воспринимаешь как песнь. От нее веет свежестью девственных лесов, бодростью людей, воспитанных Дикой Природой, отважных и предприимчивых индейцев, связанных крепкими узами семьи и племени, вдумчивых и чутких не только по отношению друг к другу, но и к своим Младшим Братьям. Для Серой Совы это мечта о кочевье прошлых дней, над которым еще только собирались тучи, надвигавшиеся со стороны колонизаторов.

Серая Сова изображает детей, героев своей повести, такими, какими они запечатлелись в памяти писателя в далекие годы его молодости.

Героиня повести, Саджо, – добрая девочка. Ее любовь и привязанность к маленьким бобрам – самоотверженное чувство, глубоко волнующее детское сердце.

Ее брат, Шепиэн, – серьезный, отважный мальчик, закаленный в суровой борьбе с Дикой Природой. В то же время он очень чуток, что особенно проявляется в его отношениях с сестрой, которую он окружает заботой после смерти матери.

Их отец, Гитчи Мигуон, – это искусный охотник, различающий каждый шорох в лесу, типичный представитель индейцев с их родовыми традициями.

«Гитчи Мигуон – Большое Перо, – пишет автор в предисловии к повести, – был моим любимым старшим другом... Мои первые звериные тропы были проложены под его мудрым и строгим руководством. Каноэ из березовой коры, сделанное его собственными руками, долго хранилось в музее средней школы в городе Торонто, – я видел его там в 1911 г.».

Бобры занимают почетное место рядом с героями-детьми.

Чилеви и Чикени – это не бобры вообще и не вымысел, это портреты питомцев Серой Совы, которых он долго изучал и полюбил, как детей.

После героического освобождения детьми бобренка из зоопарка никто из охотников не стал больше охотиться на родном пруду Чилеви и Чикени и вся община оберегала их. Прошло немного времени, и лес на протяжении многих миль, вместе с бобровым прудом и Березовой рекой, был включен в территорию большого государственного заповедника, известного под названием «Провинциал Парк». Охота здесь была запрещена, так что четвероногие друзья героев этой повести, бобрята Чилеви и Чикени, должно быть, прожили там свою бобровую жизнь вполне благополучно.

Заканчивая предисловие, Серая Сова пишет о том, что больше всего волнует его:

«Я надеюсь, что моя скромная повесть о двух индейских детях и их любимых бобрятах не только будет развлечением на час-другой, но и даст юному читателю более ясное и близкое

представление о радостях и горе, о работе, развлечениях и повседневной жизни этих скромных обитателей леса, чьи чувства так близки нашим».

* * *

Когда книги замечательного индейского писателя Серой Совы увидели свет в нашей стране, автора уже не было в живых. Он так и не узнал, что его чудесные книги стали достоянием русского читателя. Серая Сова умер в 1938 году, в Канадском национальном парке в Саскачеване, где он трудился на посту смотрителя заповедника и где написал большую часть своих произведений. Ему тогда было пятьдесят лет.

Алла Макарова

Глава I. Страна северо-западных ветров

Далеко-далеко за городами, поселками, за полями Северной Канады лежит дикая, забытая страна. Если бы вам захотелось взглянуть на нее, то пришлось бы проделать долгий путь через холмы и все дальше и дальше – туда, где нет ни железных, ни проселочных дорог, нет даже тропинок и нигде не видно домов. С индейцем-проводником вы поплыли бы в легком челне по рекам и озерам через бескрайние дремучие леса, где на свободе живут лоси, олени, медведи и волки, а канадские олени порой бродят такими огромными стадами, что никто не мог бы счесть их, даже если бы это и нужно было.

Там, на Севере, вы увидели бы Америку такой, какой она была до того, как открыл ее белый человек. Даже теперь вы редко повстречаетесь в этих местах с бледнолицым, потому что, кроме немногих трапперов – охотников за пушным зверем – и торговцев, здесь живут только индейцы племени оджибуэй, которые называют свою родину Киуэйдін, или Страной Северо-Западных Ветров. Они поселились здесь так давно, что никто не знает, когда они сюда попали и откуда пришли. Здесь, вдали от цивилизованных стран, они живут так, как жили их предки, когда свыше четырехсот лет назад Жак Картье⁴ высадился на этих берегах. И сейчас можно увидеть их вигвамы⁵, палатки и бревенчатые хижины, разбросанные небольшими деревушками в тенистых рощах и на открытых полянах, а иногда и на песчаном берегу озера; нередко расстояние в сотни миль⁶ отделяет эти индейские деревни друг от друга. Индейцы живут отдельными семьями – каждая семья в своем вигваме или хижине. В хорошие дни они веселы и довольны, ну а когда наступают тяжелые времена, бывает, живут и впроголодь, как это случается и с цивилизованными людьми.

Никто не сидит сложа руки в индейском становище, работают даже дети. Особенно много дел приходится выполнять в пути, потому что индейцы постоянно передвигаются с места на место. Случается, что пушной зверь вдруг исчезает из округи, и люди вынуждены или следовать за ним, чтобы не умереть с голоду, или искать новые места для охоты. Тогда весь лагерь

⁴ Жак Картье (1491–1557) – французский мореплаватель, ученый, исследователь Канады.

⁵ Вигвам – шалаш из жердей, покрытый берестой или шкурами.

⁶ Миля – единица длины, используемая в Великобритании и США, равная 1,609 км.

снимается, вещи нагружают на челны или на сани, смотря по времени года, и отправляются в путь-дорогу за много-много миль. Во время зимних кочевок маленькие мальчики и девочки поочередно прокладывают тропу – на протяжении мили, а то и двух – для целого каравана саней, запряженных собаками, и для сопровождающих людей: они очень гордятся этим занятием. Летом дети вместе со взрослыми садятся в челны и по целым дням гребут; они помогают также переносить поклажу на волоках. Им нравится такая работа, и они относятся к ней не менее серьезно и по-деловому, чем их родители к своим обязанностям.

Дети, которые летом живут вблизи фактории⁷ или же в индейской резервации⁸, имеют возможность посещать школу. Если они учатся хорошо, то становятся врачами, учителями, писателями или художниками⁹. А те ребята, которые круглый год живут в глуши, среди дикой природы, получают совсем иное образование.

Их школа – лес, и в этой школе они приобретают знания, необходимые для образа жизни индейца-охотника. Там они узнают, как живут деревья, цветы и травы, какие обычаи и повадки у диких животных, как ловить их, как удить рыбу в любое время года и – самое основное – как разжигать костер во всякую погоду: в дождь, бурю, метель. Они не только приучаются узнавать голоса птиц и зверей, но и умеют перекликаться с ними. Чтобы заставить челн быть послушным, они должны знать секреты движения воды в реках и озерах. Им надо научиться многому: владеть ружьем и топором, ходить на лыжах, погонять запряженных в сани собак, не говоря уж о том, что всем необходимо знать, как мастерить мокасины, дубить шкуры и варить обед.

Маленькие индейцы не знают, что такое компас. Странствуя по дремучим лесам, они привыкают угадывать путь по солнцу, луне и звездам, по очертаниям деревьев и форме холмов, по движению животных и по многим другим приметам. Они настолько хорошо ориентируются в лесу, что не боятся отправиться в трудное, долгое путешествие и смело идут навстречу опасностям, как это было с детьми – героями этой повести.

Не трудясь, не проживешь в индейском становище; тот, кто ленится, очень скоро остается без крова, одежды и голодает. В минуты нужды индейцы охотно делятся всем, что у них есть, но лентяев они не терпят.

Однако и в трудовой жизни есть часы отдыха. Молодежь всегда находит время поиграть в подвижные и веселые игры. По вечерам, при мерцающем свете северных звезд, труженики леса, большие и маленькие, иногда собираются вокруг костра отдохнуть и послушать рассказы стариков. Здесь услышишь и про охотничьи скитания, и про индейцев далеких племен, и о великих людях седого прошлого, и о самых странных приключениях в лесу.

Но удивительнее всего рассказы стариков, побывавших в далекой стране на юге, где живут бледнолицые. Там, где огромные сани со скоростью ветра мчатся на колесах по железной тропе; где дымящиеся челны почти так же быстро плывут по воде; где нет индейцев, где совсем мало деревьев, только ряды высоких каменных домов, между которыми, суетясь и спеша, бродят шумными толпами люди, и кажется, будто они пришли ниоткуда и идут никуда. В той стране, говорят, нельзя ни спать, ни есть, если у тебя нет денег. И это кажется особенно странным, потому что в любом индейском становище и в лагерях трапперов-охотников путника всегда радушно встретят, накормят и приютят.

Жадно слушают эти удивительные рассказы черноглазые веселые детишки и даже взрослые, ведь они так же мало знают о жизни людей в больших городах, как, наверно, вы – о лесной

⁷ Фактория – торговая контора и поселения, которые организовывали европейские купцы в колониальных странах.

⁸ Резервация – территория, как правило, с бедными природными условиями, куда правительства США и Канады выселяли индейцев.

⁹ Обычно индейцы работали в своей же резервации, так как не имели права свободного жительства.

жизни индейцев. Я рос среди индейцев, вместе с ними сидел у костра и слушал рассказы о чужих странах. Вот и мне захотелось рассказать про свою далекую дикую родину.

Много рек протекает в тех темных, дремучих лесах, где живут неведомые вам люди и животные. Это водные пути для индейцев, которые странствуют в своих быстрых челнах. Это пути и для многих зверьков: для бобра, выдры, норки, мускусной крысы. Бесчисленные тропы выются в лесной глуши; вы ни за что не нашли бы их – это дороги сухопутных животных.

Все четвероногие обитатели леса находятся в постоянном движении. Они, как и люди, много трудятся. Им нужно не только прокормить самих себя, но и позаботиться о своих детенышах.

Есть среди диких зверей одиночки, которые не имеют постоянного жилья; другие живут обществами, строят большие города с подземными тоннелями и коридорами. Самые умные из них – бобры; они строят теплые дома, сооружают запруды, откладывают запасы корма на зиму, работают почти как люди и часто в часы отдыха что-то лепечут друг другу, словно разговаривают между собой; у них очень много своих, «бобровых», забот.

Индейцы удивляются уму и трудолюбию этих зверьков, с интересом следят за их поведением и готовы считать бобров особыми племенами людей, лишь немногим отличающимися от них самих. В звуках бобрового лепета они даже улавливают сходство с человеческой речью.

И хотя большинство индейцев, по старому обычаю своего народа в борьбе за существование, занимаются охотой, они с большим уважением относятся к животным и напрасно не беспокоят их. Они понимают, что все животные, даже самые маленькие, занимают свое особое место в природе; а так как звери делят с людьми лишения и трудности жизни в лесу, индейцы называют их своими Младшими Братями.

Вблизи вигвама часто можно встретить ручного медвежонка или олененка, резвящегося на свободе, а иногда и бобрят. Индейцы любят животных и охотно приручают их. Четвероногие малыши так привыкают к жизни в индейском лагере, что не уходят в лес. Они покидают своих хозяев, только когда становятся взрослыми. Но их место скоро занимают новые питомцы леса...

А теперь, когда вы немного познакомились с нашей страной и узнали, как живут индейцы, я расскажу вам историю, начавшуюся на одном из тех водных путей, о которых я уже говорил, где мирно и счастливо жило семейство бобров.

Я расскажу вам про одного охотника-индейца, про его сына и дочь и двух ручных бобрят. Вы услышите об их приключениях в глухих лесах Севера и в шумном городе; о том, как они все дружили, об их разлуке и радостной встрече, о страшных опасностях, минутах веселья и о том, что из всего этого получилось.

Итак, забудьте автомобили, радио, кино и все те вещи, без которых, как вы, наверно, думаете, нельзя жить, и перенеситесь вместе со мной в далекую волшебную страну вигвамов, собачьих упряжек, быстроходных лыж и легких челнов. Там вы увидите огромные реки и озера, дремучие леса, животных, которые умеют говорить и работать и живут в своих собственных городах. Высокие деревья будут кивать вам макушками, вы услышите нежную песнь ручейка...

Давайте же разместимся вокруг костра в дымном темно-коричневом вигваме, и я поведаю вам свою повесть о Далеком Прошлом.

Глава II. Гитчи Мигуон – большое перо

Вверх по быстрому течению широкой Березовой Реки, в те дни, когда взор бледнолицего еще ни разу не скользил по ее прозрачным студеным водам, как-то на заре плыл в легком челне индеец. Это был высокий, стройный человек с умными темными глазами и черными волосами, заплетенными в две длинные косы. Он был одет в обычное индейское платье из дубленой оленьей шкуры медно-коричневого цвета, украшенное бахромой, и выглядел точно так, как выглядят те индейцы, которых вы видите на картинках или про которых читаете.

Его ярко-желтое каноэ¹⁰ было выкрашено соком ольхи под цвет золотистых стволов желтой березы, которая росла на соседних холмах; все щели каноэ были тщательно залиты темной сосновой смолой, чтобы не просачивалась вода. На носу у челна – огромный расписной глаз, словно у сказочной птицы, а на корме привязан лисий хвост, развевающийся на ветру. Для индейца челн все равно как живой, и ему кажется, что он зоркий, как птица, легкий и проворный, как лиса. На дне лежали туго свернутая палатка, маленький мешок с провизией, топор, котелок и длинное старое ружье.

С верхушек берез доносился к холмам тихий шепот, шелест, который никогда не смолкал, – это ветерок набегал и играл листьями. Индейцы так и называли эти холмы Холмами Шепчущихся Листьев. Вдоль берегов тянулся темный бор; его стройные сосны распростерли свои могучие ветви высоко над водой. Реполовы, черные дрозды, зеленушки кружились над изумрудной травой и распускающимися почками пушистой ивы в поисках пищи. Воздух был напоен сладким ароматом шиповника и вереска; колибри, словно ослепительные рубиновые стрелы, носились от цветка к цветку. Это был май, на языке индейцев – Месяц Цветов.

Гитчи Мигуон – Большое Перо (так звали индейца) – принадлежал к племени оджибуэй. Много дней плыл он в своем челне против быстрого течения Березовой Реки и уже далеко отъехал от дома. Настойчиво день за днем продвигался он вперед – то скользил, как сейчас, по спокойной воде, то преодолевал опасные стремнины, направляя свою легкую ладью вверх по бурным, пенящимся порогам, огибая зубчатые подводные скалы с искусством, которым владеют немногие бледнолицые и далеко не все индейцы.

В это утро путь Гитчи Мигуону преградил водопад, дикий и прекрасный; он соперничал с соснами в высоте, и солнце играло радугой в пенящихся брызгах у его подножия. Пришлось причалить к берегу ниже разъяренного, жадного водоворота, который чуть было не увлек каноэ под грохочущий водопад.

Взвалив челн вверх дном на плечи, Гитчи Мигуон понес его по берегу реки. Индеец пробирался между шумящими великанами деревьями по тенистой столетней тропе, на которую никогда не падал луч солнца. Он проделал этот путь еще один раз, чтобы перенести свою скромную поклажу, нагрузил челн и продолжал путешествие по спокойной воде, под ослепительным солнцем. Водопад остался позади.

Когда река сделала поворот, Большое Перо зорко огляделся вокруг и увидел много интересного, чего не заметил бы человек, который никогда не был охотником. Вот два настороженных пушистых уха приковали его внимание – другие звери куда-то скрылись, два горящих глаза уставились на него из темноты леса. Через мгновение в зарослях, словно тень, промелькнула серебристая рысь. То здесь, то там испуганная лань вскачь бросалась к лесу; оттуда доносился ее пронзительный свист, когда она бежала, подпрыгивая, будто рыжая лошадь-качалка; ее белый хвост, как флажок, развевался между деревьями. А один раз индеец наткнулся на лося, огромного, словно конь. Лось стоял по грудь в реке, погрузив голову в воду, – он откапывал со дна корни лилий. Занятый своим делом, он сначала не почуял Гитчи Мигуона, а потом

¹⁰ Каноэ – индейский челн из березовой коры.

вдруг гордо вскинул могучую голову и в недоумении уставился на охотника. Вода струилась по его морде и шее. Потом лось повернулся, бросился к берегу и тут же исчез. Правда, тяжелый топот его копыт, треск ломающихся веток и подлеска доносился еще несколько минут, пока испуганное животное мчалось, прокладывая себе путь в глубь лесной чаши.

Но ничто не радовало Гитчи Мигуона. Дома, в поселке, – а теперь это было так далеко, – он оставил своих двух детей, дочку и сына. У них умерла мать и, хотя женщины-односельчанки относились к ним с участием, все равно детям очень не доставало матери, и Большое Перо знал, что они теперь тоскуют в разлуке не меньше, чем он.

Их маленькая семья жила очень дружно; отец обычно брал детей с собой в охотничьи странствования, чтобы не расставаться надолго. Но на этот раз ему пришлось отправиться одному, так как он знал, что на пути его ждут опасности.

Большое Перо выстроил для семьи чудесную бревенчатую избушку, и там, собравшись вместе на лето, они мирно отдыхали после трудной зимней охоты. Нежданно-негаданно индеец племени кри принес им тревожную весть о том, что в их краях появилась шайка трапперов-метисов, которые массами уничтожают бобров. Настоящий индеец никогда не станет ловить пушного зверя на чужом охотничьем участке, считая это воровством, но метисы – полубелые-полуиндейцы, – испорченные городской жизнью, забыли старые индейские обычаи и были готовы ограбить любой лесной участок. А что будешь делать без пушного зверя? Как кормить семью, чем платить за хлеб торговцу?

Вот и пришлось Большому Перу отправиться на свой зимний охотничий участок, чтобы оградить его от набегов. Но он никого не встретил на своем пути и не нашел ничьих следов. А так как пора стояла теплая, весенняя, пушной зверь линял и не представлял соблазна для воров, то Гитчи Мигуон решил, что делать ему тут нечего и назавтра можно собираться домой.

С этими мыслями он спокойно плыл вдоль берега, хотя все еще искал глазами следы непрошенных гостей. Вдруг он услышал острый, пряный запах: какой-то зверь, а может быть, и

человек пробирался здесь и растоптал листья мяты. Насторожившись, Гитчи Мигуон бросил быстрый взгляд на берег, и вдруг оттуда прыгнуло в реку прямо перед носом его челна маленькое темное коренастое тельце. Бултыхнулось в воду, словно камешек, и исчезло. Но через минуту показалась черная голова и коричневая, покрытая шерстью спина; зверек поплыл, быстро огибая лодку, пока не очутился в таком месте, куда ветер доносил до него запах человека, очень страшный для обитателей леса. Широкий плоский хвост громко плеснул по воде. Как стрела метнулось маленькое тельце в глубину, подняв целый фонтан брызг.

Большое Перо отряхнул капли воды с рукава своей кожаной рубашки и улыбнулся. Это он и хотел видеть. Это был бобр. И не замер еще встревоженный крик бобра, как в ответ донесся другой – громкий и пронзительный, словно ружейный выстрел. Бобров было два.

Индеец снова улыбнулся – теперь он уже больше не сомневался, что никто не охотился в этих краях. Таких бобров ничего не стоило поймать. И если этих беззаботных зверушек, которые подпускали к себе так близко, не изловили здесь, на открытом месте, значит, и остальные в целости и сохранности. Но все же, чтобы убедиться в этом окончательно, Гитчи Мигуон решил отыскать жилье, в котором ютилась вся семья.

Бобровую хатку нетрудно найти, потому что бобры во время своих странствований сгрызают там и сям тонкие побеги ольхи, тополя и вербы, объедают с них кожицу и разбрасывают их по пути; эти ободранные прутики, белые и блестящие, всегда приводят к их жилью. Очень скоро индеец подъехал к месту, где в реку впадал маленький ручеек; у его устья он обнаружил, как и ожидал, остатки бобрового обеда – кучку тонких блестящих прутиков. Не оставалось сомнений, что бобровый дом находится где-то вверх по ручью, в какой-нибудь тихой заводи, где любят селиться бобры.

Бобры пообедали на краю открытой полянки, где несколько сосен-великанов стояли врассыпную, словно они забрели сюда из лесу и не могли вернуться обратно.

Гитчи Мигуон развел костер и тоже решил здесь пообедать. Он воткнул тонкий шест одним концом в землю, наискосок над пламенем костра, а на другой его конец повесил чайник – индейцы любят пить чай во время своих скитаний. После этого на прутики с развилкой он насадил кусочки оленины и укрепил их над горячими углями. А чтобы вкусный мясной сок не пропал, когда оленина жарилась, он подставлял снизу кусочки индейского хлеба – баннок.

После обеда Гитчи Мигуон спокойно покурил, прислушиваясь к напевам ветерка, игравшего среди ветвей. Так сидел он некоторое время, прислонившись к сосне, и следил, как дымок рисует причудливые узоры в воздухе. Это были его картины и его музыка – ничего другого он не знал, и удовольствие, которое он получал, было ничуть не меньше того, которое получаете вы, смотря кинокартины и слушая радио.

Отдохнув, Большое Перо перевернул свой челн вверх дном, спрятал под него снаряжение, взял дробовик и пошел вверх по берегу ручья в поисках бобрового пруда, который, как он догадывался, находился у истоков ручья.

Индеец продвигался легкой походкой среди тишины и спокойствия задремавшего леса; его бесшумные мокасины не оставляли за собой следов. А высоко в ветвях шелкали и цокали что-то белки, да зимородки веселой стайкой провожали его, пересаживаясь с дерева на дерево. Иногда они залетали вперед, словно для того, чтобы лукаво взглянуть на человека и присвистнуть, когда он пройдет. Гитчи Мигуон радовался этим встречам и шел не спеша.

Вдруг он остановился, прислушиваясь. Его чуткий слух уловил какой-то странный, неожиданный звук. Звук становился все громче и громче, пока не превратился в рев. И тогда Гитчи Мигуон увидел, как вниз по ручью, прямо навстречу ему, несется поток изжелта-мутной воды, увлекая за собой массу прутьев и сухой травы. Поток разливался до самых краев речного ложа, он бушевал с дикой силой. Что-то страшное случилось с бобровым прудом! Этому могло быть только одно объяснение: человек либо зверь прорвал запруду, и стремительный

поток был той самой водой, которую с таким трудом берегли бобры и без которой они станут беспомощны.

Не теряя ни минуты, с ружьем в руках, Гитчи Мигуон помчался через лес, который только что казался ему таким приветливым и вдруг сделался грозным и мрачным. Охотник бежал со всех ног, чтобы спасти бобров от гибели. Он перескакивал через сваленные бурей деревья, пробирался сквозь лесную чащу, оставив далеко позади друзей – белок и зимородков, неся с быстротой оленя через темный лес к пруду, надеясь, что успеет вовремя. Он хорошо знал, *что* случилось.

Выдра, лютей враг всего Бобрового Народа, вышла на тропу войны, и бобры теперь бились не на жизнь, а на смерть.

Глава III. Бобровый дом

Если бы мы поспешили вверх по ручью в то время, когда обедал Гитчи Мигуон, а не остановились посмотреть, что он делает, мы пришли бы к бобровому жилью прежде, чем выдра прорвала плотину, и увидели бы, как там все было устроено и как жили бобры. Нам бы пришлось идти довольно долго, пока вдруг мы не очутились бы на берегу маленького глубокого пруда. На противоположной стороне его мы заметили бы высокую толстую стену, которая перегораживала русло ручья. Она была сделана из туго сплетенных сучьев и прутьев, щели ее были законопачены мхом, а сверху все было обмазано илом. Вдоль всей стены наверху лежали тяжелые камни, чтобы придать ей большую прочность. Почти сто футов¹¹ в длину и больше четырех футов в высоту была эта стена. Пруд питался водой из ручья, которая стекала в него по желобу, сооруженному из прутьев. Такой водослив был устроен только в одном месте, и поэтому нетрудно было следить за ним, содержать его в порядке. Казалось, что здесь трудились люди – так искусно все было сделано, а между тем эту работу проделали животные. Стена, которая представляла собой настоящую плотину, удерживала маленький пруд в его берегах. Без этой плотины не было бы пруда, здесь протекал бы только ручей.

Пруд был залит солнечным светом. И так тихо уютился он там, среди Холмов Шепчущихся Листьев, и зеркальная поверхность его была так прозрачна, что утки, дремавшие на воде, казалось, плыли в воздухе. И до того четким было отражение стройных серебристых тополей, что трудно было сказать, где кончалась вода и где начинались деревья. Совсем как в сказочной стране: голубые озера, яркие цветы и деревья, отливающие серебром. Ни шороха, ни звука. Если бы не дремавшие утки, можно было бы подумать, что там никто не живет.

Но на деле было совсем не так. Стоило только приглядеться внимательнее, стараясь не шевелиться, не разговаривать и даже не шептаться, и вы очень скоро заметили бы, как вода около берега нет-нет да вдруг подернется зыбью. Из-под воды между тростниками, прислушиваясь и нюхая воздух, осторожно выглянет темно-коричневая голова с круглыми ушами. За головой покажется покрытое шерстью тельце; у вас на виду зверек быстро, но беззвучно поплывет к противоположному берегу и исчезнет в тростниках.

Высокие тростники раскачивались бы и трепетали минутку, пока зверек работал там. Скоро он появится снова, на этот раз с большим пучком травы. Он поплывет к огромному черному земляному бугру, который мы внимательно рассматривали и не могли понять, что это такое; зверек нырнет возле него вместе с травой.

Не успеет он исчезнуть, как другая голова, тоже с пучком травы, покажется с противоположной стороны.

Кто-то неосторожно пошевелится – и в ответ огромный плоский хвост тяжело ударит по воде, и тут же с громким всплеском голова и пучок нырнут в воду.

Такую именно сценку пришлось наблюдать Большому Перу в то утро на берегу ручья. Огромная насыпь, выше роста человека, была бобровым домом, а зверьки – бобрами.

Они были очень заняты.

Землянка возвышалась больше чем на шесть футов в высоту, а длиной была не меньше десяти футов. Только недавно бобры об-мазали свое жилище глиной. Тяжелыми бревнами подперли они его покатые стены. Вся постройка выглядела очень прочной, словно крепость, и если бы даже оленю вздумалось взобраться на ее крышу, все равно ничего бы не случилось.

Сбоку проходила широкая дорожка, по которой доставлялся строительный материал. И если бы вы были очень терпеливы и ветер не выдал бы вас этим чутким зверькам, то могли бы увидеть, как старый бобр, подрыв с берега ком глинистой земли, вместе с ним направился к

¹¹ Фут – английская и старая русская мера длины, равная 30,48 см.

хатке. Он плыл медленно, стараясь не рассыпать землю по дороге. Потом встал на задние лапы, выпрямившись во весь рост, совсем как человек, взобрался на крышу, держа ком в охапке, и там опустил его. После этого он стал замазывать землей щели и дыры, ловко работая лапами. И наконец, чтобы получше скрепить все, он воткнул большую палку.

Эта работа делалась неспроста. И сколько еще других хлопот было в это горячее время – в Месяц Цветов! Стоит ли удивляться: внутри причудливого домика, скрытые от всего света, жили четыре крошечных бобренка.

Маленькие пушистые зверьки с черными блестящими глазками были очень хороши собой. Их задние лапы были большие, перепончатые, передние – маленькие, удивительно похожие на ручки ребенка, а плоские хвосты казались резиновыми. У них был прекрасный аппетит и, наверное, очень хорошие легкие, потому что иначе они не могли бы заливаться без умолку таким громким криком, который можно было принять за плач маленького ребенка. Как и все малыши, бобрята доставляли много забот своим родителям.

Внутри хатки была большая комната. Даже человек, свернувшись калачиком, мог бы поместиться в ней. Комната была очень чистая, пол устлан ивовой корой и подстилкой из душистых трав.

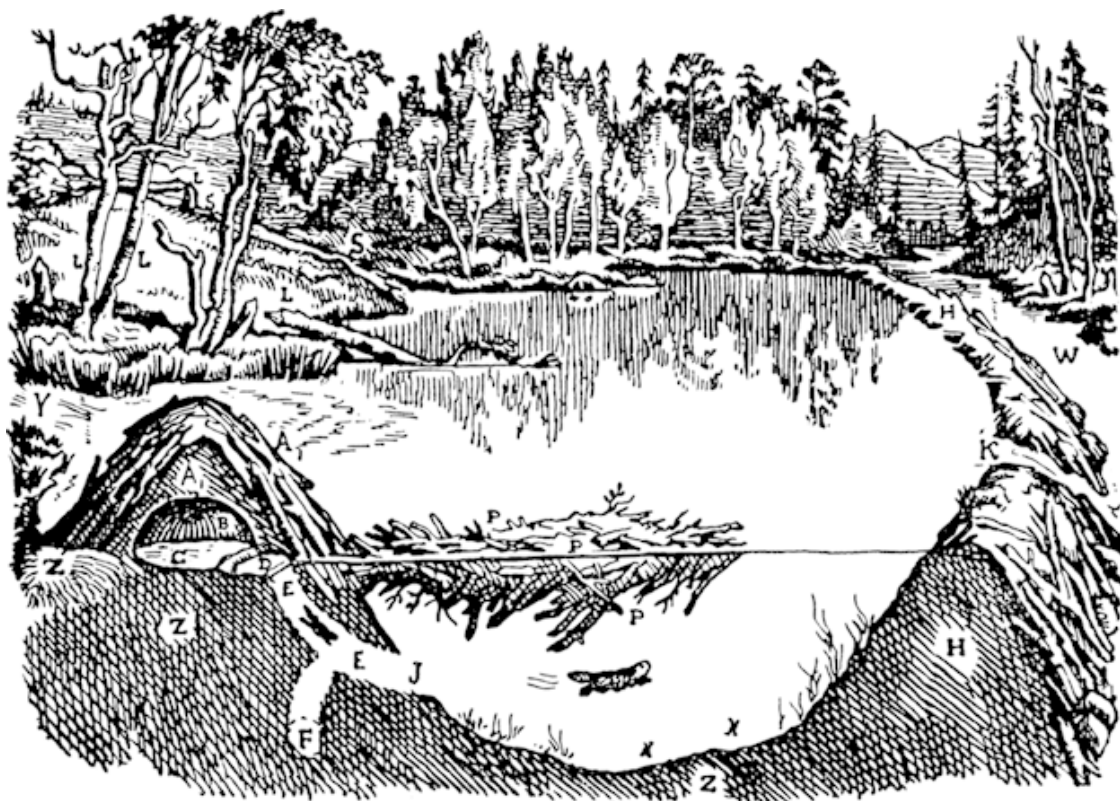
Попасть в хатку можно было только через круглое отверстие в полу – нырляку; она вела в наклонный тоннель, спускающийся к самому дну пруда. Плотина поддерживала воду в пруду почти на уровне с полом, поэтому нырляка всегда была полна водой до самых краев, и неуклюжие бобрята могли напиться из нее не бултыхнувшись вниз. В случае же такой беды, – а ее не всегда минуешь, – они без труда выкарабкивались оттуда.

Весь тоннель вместе с входным отверстием у дна пруда находился под водой, а поэтому никто из сухопутных животных не мог не только попасть в него, но даже его увидеть. Но если бы прорвало плотину и вода ушла из пруда, бобрам грозила бы страшная беда. Не только их враги – волки, лисицы и другие хищники – смогли бы пробраться к ним в хатку, но и сами бобры не имели бы возможности ни защищаться, ни спрятаться, нырнув в воду, как мы недавно наблюдали.

Если вы взглянете на рисунок, то будете знать, как все это было устроено, и вам станет понятно, почему старый бобр так внимательно следил за плотиной и, лишь только обнаруживал течь, сразу же начинал ее чинить. Много хлопот доставлял бобру и желоб-водослив: нужно было все время вычищать из него всякий мусор, чтобы вода текла свободно, но не слишком быстро, иначе она затопила бы хатку, – уровень воды в пруду необходимо было поддерживать на одной и той же высоте.

А сколько приходилось возиться с бобрятами! Одной бобрехе ни за что бы не справиться без помощи бобра! Заботливые родители очень часто меняли травяную подстилку, приносили бобряткам корм – нежные побеги и листья, – причесывали и приглаживали их шерстку и бормотали им какие-то нежные бобровые слова, которые издали звучали как шепот людей. Зато громкий жалобный плач бобрят, их лепет, прерываемый криками и взвизгиваниями, вырывался даже за толстые стены землянки. Очень шумными становились малыши, когда они были голодны, когда радовались чему-нибудь или же попадали в какую-либо беду, что постоянно с ними случалось. Когда кто-нибудь из родителей возвращался домой (они никогда не отлучались вместе) после работы на плотине или с охапкой душистой травы для подстилки – была ли то мать или отец, – всегда раздавалось тихое певучее приветствие, в ответ на которое бобрята громко визжали и кричали от радости, и этот неистовый шум продолжался гораздо дольше, чем требовало благоразумие. Только во время сна бобрята притихали.

Весь день-деньской бобрята возились друг с другом, царапались, ползали всюду, и, наверно, им было очень весело. Вообще же это бобровое семейство ничем не отличалось от остальных семей. Им было хорошо и уютно у себя дома.

План бобрового пруда. Бобровая хатка (A1, A1). Комната (B). Площадка-спальня (C). Нижняя площадка-сушилка со стоком в нырляку (D). Подводный тоннель (E, E). Боковой, или запасной, вход (F). Главный вход (J). Плотина (H, H). Водослив, регулирующий уровень воды в пруду (K). Деревья, подточенные острыми зубами бобров (L, L, L). Плот-столовая; основная часть его погружена под воду ниже уровня льда (P, P). Волок, по которому бобры спускают «спиленные» деревья (S, S). Русло осушенного ручья снова наполняется водой (W). Ручей впадает в пруд и продолжает свой путь, пройдя по желобу-водосливу (Y). Бобры опускают дно пруда под плотом-столовой и у плотины (X, X). Выброшенный ил идет на плотины и хатки (Z, Z). Раньше здесь была суша; благодаря плотине теперь все залито водой. Не будь плотины, на этом месте не было бы пруда, а протекал бы только ручеек.

Теперь малыши уже подросли настолько, что могли попытать свои силы в нырялке. Сначала они просто лежали в воде, случалось и вверх ногами, или же барахтались там, визжа от радости. Они были очень легкими и пушистыми, совсем воздушными, поэтому им никак не удавалось погрузиться в воду достаточно глубоко, чтобы можно было грести одновременно двумя перепончатыми лапками. Вот и приходилось подгребать то одной, то другой лапкой, переваливаясь с боку на бок, захлебываясь, извиваясь, барахтаясь. А старые бобры озабоченно плавали вокруг, подбадривая их и, вероятно, давая советы на своем звучном бобровом говоре. Наблюдая эти сценки, я пришел к заключению, что задача научить плавать малышкой была нелегкой для бобров-родителей, но бобрята, казалось, получали большое удовольствие, барахтаясь в воде, а с этим, как вы сами понимаете, надо считаться.

Однако малыши быстро утомлялись. Тогда они вылезали из воды и отдыхали в сушилке. Сушилка была устроена немного ниже уровня пола – вероятно, для того, чтобы вода, струившаяся с шерсти зверьков, не замочила их зеленых постелей. Каждый бобренок очень тщательно выжимал, стряхивал, вытирал воду со своей шерстки спереди, сбоку, сзади – всюду, куда только мог дотянуться; бобрята сидели выпрямившись и работали очень усердно, сопя и вздыхая, точно дети после купания.

Наконец, когда работа была закончена и шерсть у них высыхала или же им казалось, что она высохла, они переворачивались вверх ногами, портя этим все дело, и раздавался целый хор пронзительных криков. Тогда появлялись свежие зеленые листочки и водоросли, которые бобры готовили заранее для того, чтобы скорее успокоить малышей, и крики нетерпения переходили в довольное чавканье и бормотание.

Скоро все затихало, маленькие глазки закрывались, и бобрята, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, засыпали на постелях из душистой травы.

И так день проходил за днем в бобровом доме. Когда бобрятам исполнится двадцать дней, в их жизни наступит необыкновенный праздник. Нырнув в темный тоннель, малыши вдруг очутятся в неведомом ослепительном мире, который окружал их со всех сторон, но которого они никогда не видели. А пока бобрята спали, родители по очереди оставались возле них, по очереди осматривали плотину, от которой зависела их жизнь, следили, не подкрадывается ли хищник к их маленькому замку. Нужно было приготовить и корм и подстилку. Бобры хорошо знали: как только проснутся малыши, снова придется делать сто дел сразу. Месяц Цветов – очень хлопотливое время.

Наши четыре маленьких героя или героини, а может быть, и те и другие, дожили наконец до той чудесной поры, когда научились нырять по-настоящему и уже не выскакивали из воды хвостом вверх, словно резиновый мяч, а могли проплывать довольно большое расстояние не вызывая о помощи. Как вдруг как-то днем – это было в тот самый день и час, когда Гитчи Мигуон обедал в лесу, – старый бобр заметил, что вода в нырляке стала убывать. Он насторожился. Бобреха тоже услышала бульканье и пришла посмотреть, в чем дело. Вода, кружась воронкой, опускалась в тоннель все ниже и ниже. Потом воды не стало.

Кто-то сломал плотину!

Бобры друг за другом бросились вниз через пустую нырляку. Нельзя было терять время. У них не будет воды – драгоценной воды, от которой зависит жизнь детенышей! Их дом теперь открыт для всех на свете, а это грозит смертью.

Четыре бобренка ужасно испугались. Они почувствовали, что случилась беда, но были еще слишком малы, чтобы понять, в чем дело. Бобрята подползли друг к другу и тихо похныкивали.

Встревоженные родители кинулись вплавь по обмелевшему пруду – прямо к плотине. В самом низу стены они обнаружили отверстие величиной с бочку – скоро в пруду совсем не останется воды!

Бобры тотчас принялись за работу. Они таскали сучья откуда попало, выдирали большие комья земли с болотистого берега, отгрызали острыми зубами ветки с упавших деревьев, катали камни и все это бросали прямо в дыру, а потом затыкали отверстия травой и ветками кустарника. Они рыли глину и таскали ее к дыре в плотине; глина, пропитавшись водой, становилась вязкой и хорошо замазывала щели между сучьями, ветками и камнями. Но пруд был слишком мал для такой большой течи, и родниковая вода, которая питала пруд, собиралась гораздо медленнее, чем вытекала из него.

И вот теперь, когда плотина снова была в порядке, в пруду совсем не осталось воды!

Пока бобры трудились, отчаяние не раз охватывало их (не верьте тому, кто будет уверять вас, что животные не способны чувствовать отчаяние!), но они все-таки продолжали работать до тех пор, пока не починили плотину; только тогда, усталые и измученные, бобры побрели к своим четырем детенышам, которых они так любили, и к дому, который уже не был больше защитой для них.

А как они трудились, чтобы построить его, и как нужен он был для семьи!

Бобры не умеют быстро ходить. Они легко переплыли бы пруд, но пробираться по скользкому илистому дну через камни и заросли спутанных водорослей было тяжело. Сколько драгоценного времени уйдет, пока они доберутся, карабкаясь и спотыкаясь, до своей хатки, которая

теперь казалась так далеко! Любой зверь может их настигнуть. А если повстречается волк или медведь, все погибло. Бобры были беззащитны теперь, потому что природа создала их не для борьбы, а только для мирного труда.

Спеши! Спеши, Гитчи Мигуон! Беги со всех ног! Твоя помощь очень нужна маленьким братьям, нужна немедленно! Скоро, с минуты на минуту, охотник будет здесь...

По вязкому дну пруда на усталых коротких ножках медленно и мучительно плелись два несчастных бобра; они спешили как могли к своим детенышам, которые теперь остались в незащищенной хатке.

А там четыре бобренка, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, с ужасом смотрели на блестящее черное чудовище с плоской головой. Оно подползло к ним медленно, оскалив зубы, шипя, как змея. Нигик – выдра!

Голодная, злая, хитрая, она сломала плотину, осушила пруд, и теперь добыча была перед ней – четыре маленьких бобренка.

Ее длинное тело загородило вход. Казалось, спасения нет. Выдра подобрала под себя лапы, готовясь к прыжку...

Как раз в эту минуту Гитчи Мигуон, задыхаясь от быстрого бега, с ружьем наготове, выскочил из тростников и, перескакивая с камня на камень, бросился к бобровой хатке.

Глава IV. Первое приключение

Выдра прыгнула. Жадная, она хотела схватить всех маленьких бобрят зараз! Но те отскочили, как четыре пружинки, в разные стороны. Не рассчитав прыжка, она упустила их всех, а сама со всего размаха налетела на стену. На минуту хищника оглушил удар. И это спасло бобрят. Они бросились к выходу, теперь свободному.

Разъяренная своей неудачей, выдра пустилась было вдогонку, но выход в конце тоннеля был загорожен. Кем? Она еще не знала.

Не прошло и минуты, как началась жестокая схватка между выдрой и двумя бобрами. Они подросли как раз вовремя. Бобры, такие добрые и игривые от природы, теперь бились не на жизнь, а на смерть ради спасения своих детенышей. Выдра была более ловкой и более свирепой, чем они. Уж если она вцепится зубами, словно бульдог, то не выпустит своей жертвы; но у бобров шкурка толстая, ее нелегко прокусить, а их острые, похожие на резец зубы, которые до сих пор никого не кусали и только подтачивали стволы деревьев, с отчаяния впивались в тело хищника. Бобры упирались лапками и всё сильнее и сильнее кусались.

Выдра билась жестоко – она была не из трусливых – и все норовила стиснуть своими крепкими челюстями морду бобра, чтобы хоть один из них перестал кусаться. Но пришлось ей спасать свою собственную голову.

Она вертелась и извивалась, как огромная мохнатая ящерица, забрасывая то влево, то вправо свою змеиную голову, шипя, щелкая зубами, рыча. Бобры же не издали ни звука, пока она таскала их с места на место, и только снова и снова впивались в нее зубами. Перед ними был враг – самый страшный из всех врагов, – его надо было уничтожить во что бы то ни стало. Раз и навсегда надо положить конец его злодействам.

И снова враги набрасывались друг на друга, боролись, кувыркались, пока не выкатились вниз по тоннелю, извиваясь бесформенной массой ног, хвостов, сверкающих зубов, прямо к ногам Гитчи Мигуона – он только что сделал последний длинный прыжок с камня на камень и очутился перед бобровым домом.

Встреча с новым врагом обескуражила выдру. Метнувшись что было силы, она вырвалась на свободу и одним прыжком отскочила далеко в сторону, так что бобрам уже было не догнать ее.

Не обращая внимания на индейца, бобры побрели за убежавшим хищником, увязая в иле; а для выдры, наоборот, это была прекрасная дорога. В один миг она проскользнула футов на двадцать вперед. Два-три прыжка – и снова скользила, и так до тех пор, пока не очутилась у плотины. Махнула через нее – и поминай как звали!

Никогда больше не станет она нападать на Бобровый Народ!

Большое Перо стоял поблизости на камне и видел, как убегала выдра. Он направил было на нее дуло своего ружья, но потом решил, что злодейка и так достаточно наказана, и не стал стрелять, ведь бобрам она больше не причинит вреда.

Как бы то ни было, но теперь уже все наладилось: вода начала снова собираться в пруду – ее удерживала плотина, которую, как вы, наверно, помните, починили бобры; пруд становился все глубже. Охотнику нужно было поспешить обратно к берегу, пока не залило камни.

Индейца немного беспокоила судьба маленьких бобрят. Он видел, как они убежали из хатки, но вернулись ли малыши, этого он не знал. Поэтому, выбрав место, откуда его не было видно и нельзя было почуять, он присел на берегу и стал следить за тем, что происходило около бобрового домика.

Скоро он увидел, как бобриха стала собирать малышей. Двое бобрят появились из укромного уголка, где они притаились, спасаясь от страшного врага. Мать по очереди провожала их домой: бобрята становились на широкий плоский хвост бобрихи, придерживаясь лапками за

ее шерсть, чтобы не упасть, и так, словно на салазках, подъезжали ко входу в хатку. И, пока малыши ехали, они смотрели по сторонам, разглядывали все кругом и, по-видимому, были очень довольны.

Мне кажется, что Большое Перо получил не меньшее удовольствие, чем они, – он тихонько посмеивался, любуясь этой забавной сценкой. Потом он задумался. Присматриваясь ко всему, что происходило, он вдруг почувствовал, что очень жестоко убивать этих зверьков, которые так самоотверженно трудятся, чтобы защитить своих детенышей и свой скромный дом, и которые так любят друг друга, – это было, казалось ему, равносильно убийству маленьких людей. Никогда еще он не видел того, что довелось ему увидеть сегодня. Теперь только понял он, почему старики индейцы часто называют бобров Говорящими Братьями и Бобровым Народом.

Большое Перо решил переночевать у пруда, хотя не захватил с собой ни одеяла, ни еды, – он боялся, что вернется злодейка выдра или же появится другая, потому что эти хищники часто рыскают парами.

Но никто не нарушил покоя бобрового пруда. На рассвете, когда Гитчи Мигуон покидал это место, пруд уже наполнился водой до краев, потайной вход был закрыт, и все, казалось, было в полном порядке, словно ничего и не случилось.

Вот и всё, что узнал Большое Перо. Но индеец не знал, что двое бобрят, напуганные до полусмерти, выкарабкались из хатки, побрели по длинному потайному ходу под заболоченной землей (бобры часто выкапывают такие ходы для разных целей) и, пройдя его до конца, очутились около плотины. Вряд ли они знали, куда бредут, да, верно, и не думали об этом – им только нужно было уйти подальше от злого чудовища. Никто не заметил, как они перебрались на противоположную сторону плотины и продолжали свой путь по осушенному руслу ручья. Зловещее шипение выдры все время преследовало их по пятам, словно в страшном сне. И так отчетливо оно вдруг стало слышно и так близко, что зверьки в ужасе забились в маленькую пещерку на берегу. Это произошло как раз вовремя: не успели они укрыться, как выдра – настоящая, страшная выдра – прошмыгнула мимо них. К счастью, бобрята, как и многие другие молодые зверьки, не распространяют никакого запаха; даже лиса, несмотря на свой чуткий нос, могла бы найти их только случайно. Вот и выдра не узнала, где они спрятались. Она мчалась без оглядки все дальше и дальше от пруда.

А скованные ужасом бобрята прижались друг к другу в своем убежище, не смея двинуться вперед и боясь вернуться. Они стали поджидать свою мать – не придет ли она к ним на помощь?

Но отсутствие запаха, которое только что принесло им спасение, теперь оказалось для них бедой. Старые бобры обнюхали все кругом, но не смогли обнаружить никаких следов и так и не узнали, что бобрята перебрались через плотину. А испуганные зверьки не догадались, как недалеко они находились от пруда. Вот и сидели они, словно два заблудившихся ребенка, забившись в свою пещерку, обездоленные, понурые, и все прислушивались, не донесется ли к ним любимый ласковый голос. Малыши всё ждали и ждали свою большую маму, такую заботливую и добрую, – она всегда утешала их в их маленьких бедах, согревала своим коричневым пушистым телом и так старательно причесывала и прихорашивала каждый день. Ну конечно же она или отец – это он играл с ними так хорошо, учил плавать и всегда приносил им душистую траву для постелей и веточки с нежными листьями на обед, – кто-нибудь из них да придет. Теперь у бобрят не было ни душистой подстилки, ни лакомых листочков – ничего, кроме твердых камней и жесткого песка, а ни мать, ни отец не шли за ними. Напрасно прождали бобрята всю долгую ночь, дрожа от холода, голода и страха.

Один раз какой-то длинный темный зверь, похожий на ласку, но гораздо крупнее ласки, заглянул к ним; но они сидели тихо, как две мышки, и почти перестали дышать. Он громко

засопел у самого входа в пещерку и побежал дальше. Это была норка... Она увидела, что они вдвоем, и побоялась напасть на них.

Не скоро набрались зверьки храбрости, чтобы выглянуть на минутку, но сейчас же спрятались обратно: нужно было спастись от огромного серого чудовища, которое спускалось на них сверху. Круглые желтые глаза засверкали близко-близко... Но вот чудовище взмыло вверх и уселось на ветку. И смотрело оттуда, смотрело на них, щелкало клювом, громко, протяжно кричало и очень страшно смеялось.

Вопáхо – Лесная Сова Хохотунья – подкарауливала их, хотела сделать бобрят своей добычей. Она терпеливо ждала, и каждый раз, когда малыши выглядывали из пещерки, страшные желтые глаза все еще глядели на них.

На рассвете сова исчезла. Вода уже струилась через плотину, и ручеек снова за журчал. Бобрята спустились к нему и поплыли в поисках своего дома. Если бы они только знали, как близко была их хатка! Но в маленьких головках все перепуталось, и они окончательно заблудились. Не в силах бороться с течением, они отделись воле воды и спускались все ниже и ниже по ручью, все дальше и дальше от дома, от родителей, от сестренки¹², с которыми так хорошо играли и возились всю свою коротенькую жизнь.

Так они плыли, слабые, голодные, не умея найти себе корм.

И все-таки теперь они чувствовали себя как-то безопаснее, потому что были в воде, и продолжали свое бесцельное путешествие, которое не могло привести к добру. Ручеек становился все спокойнее и спокойнее, и зверьки незаметно очутились в ленивых водах Березовой Реки.

Лань, которая паслась на отмели, подняла голову и увидела их. Она насторожила уши и долго следила за ними своими добрыми глазами. Дальше на пути повстречалась ондатра – мускусная крыса; она поздоровалась с ними, громко пискнув, и прошмыгнула мимо. Птицы глядели на них с верхушек деревьев и что-то щебетали им. А солнце грело так ласково и мир был так прекрасен! И они продолжали плыть все дальше и дальше, неизвестно куда. Так бы они и плыли в забытии от голода и слабости, пока не заснули бы, чтобы никогда больше не проснуться.

В тот самый момент, когда бобрята очутились на зеркальной поверхности Березовой Реки, их заметил Гитчи Мигуон.

Он сидел на берегу ручья на том самом месте, где недавно обедал. Спустив осторожно на воду свой челн, он тихонько поплыл к ним. Бобрята услышали шум, приоткрыли глазки и увидели его. Но почему-то они не испугались даже тогда, когда он поднял их за крошечные черные хвостики, чтобы опустить в лодку. Наверное, им все уже было безразлично. А может быть, большой настороженный глаз, нарисованный на носу лодки, не выглядел уж так сердито, как задумал художник; или, скорее всего, они чувствовали, что индеец не обидит их: зверьки, даже самые маленькие, узнают своих настоящих друзей.

Большое Перо, сложив ладони вместе, осторожно держал бобрят – зверьки были такие маленькие и жалкие. Их крошечные передние лапки сжались в кулачки, словно они приготовились к бою¹³, но круглые головки отяжелели и поникли, глазки смыкались. Индеец знал, что они умирают, и ему стало их жаль. Охотники часто бывают добрыми людьми.

Большое Перо решил во что бы то ни стало спасти бобрят. Он жил охотой, и ему часто приходилось убивать бобров ради их ценной шкурки. А вот теперь он имеет возможность сде-

¹² Только маленькие самцы могли проявить такую смелость. (Примеч. автора.)

¹³ Это положение бобры применяют при защите. Они способны нанести быстрый и сильный удар, то пуская в ход крепкие когти, то сжимая переднюю лапу в кулак. Последний прием применяется в борьбе между бобрами, когда они шатают своего противника. Обратите внимание на то, что измученные до крайности бобрята прибегают к более безобидному приему борьбы – таков их характер. (Примеч. автора.)

лать доброе дело для бобров – спасти этих заблудившихся малышей, которых унесло течение и которые очутились у него в руках.

Причалив к берегу, он достал банку с молоком, разбавил его водой и стал вливать зверькам в рот. Маленькие пушистые тельца распростерлись на огрубелых ладонях индейца, и он почувствовал, какие они легкие и как слабо бьются их сердечки. Пока шло кормление, бобрята ухватились своими лапками, словно крошечными ручками, за сильные пальцы индейца. Большое Перо совсем растрогался, но, как дальше поступить со зверьками, он еще не знал. Ему следовало бы спешить домой: он обещал своим детям, Саджо и Шепиэну, вернуться в определенный день, и, чтобы не огорчать их, ему нужно было сдержать свое слово. Если отнести бобрят к пруду, вряд ли они найдут дорогу к хатке, ведь надо весь пруд переплыть. Оставить их тут на месте – еще хуже: они наверняка умрут с голоду либо погибнут в когтях орла, ястреба; даже голодная рыба опасна для них. Большое Перо подумал, не взять ли бобрят с собой, хотя понимал, что в далеком пути возни будет очень много. Но как можно покинуть этих малышей в беде? Это было бы жестоко. У старых индейцев очень строгие правила в таких случаях.

Бобриха-мать, наверно, считала своих детенышей очень красивыми, но индейцу они казались уродливыми: у бобрят были длинные задние ноги и коротенькие передние, шарообразные тельца и курносые носики. Они напоминали сказочных Бакваджис – индейских волшебниц.

Большое Перо в конце концов решил, что их уродство – небольшая беда, зато они очень забавны и будет интересно их приручить. Приближался день рождения его дочери Саджо: ей исполнится одиннадцать лет. Бобрята с курносыми носиками, наверно, очень понравятся девочке. Это будет забавный подарок для нее.

А когда они вырастут и их уже будет неудобно держать дома, тогда бобрят снова отвезут в родные места.

Бобряткам понравилось молоко, и они стали просить еще. Если бы вы слышали их жалобные голоса! Они еще сильнее растрогали Гитчи Мигуона. «Как можно покинуть малышей, которые плачут совсем как дети», – подумал он и снова принялся хлопотать и поить их молоком.

Потом он подошел к березе, которая росла среди сосен, срезал с нее большой кусок коры и стал мастерить корзинку для бобрят. Он обвязал ее кедровым лыком, чтобы сохранить форму. Вслед за этим сделал плотно прилегающую крышку и проделал в ней дырочки, чтобы воздух проходил свободно. Еще он сплел ручку из коры кедра. Когда корзинка была готова, он выстлал ее дно травой и положил сверху сочные листики и молодые побеги тех растений, которыми питаются бобры.

Когда Большое Перо поднял своих питомцев за плоские хвостики, чтобы положить в корзинку, они почувствовали запах душистой подстилки – совсем как дома – и нашли нежные почки и листики, которыми так хотелось полакомиться; они слушали добрый, успокаивающий голос своего нового друга – он так хорошо напоил их молоком! – и от всего этого им сразу стало лучше.

Казалось, они теперь забыли и страшное шипение выдры, и сову с ее круглыми желтыми глазами и злым хлопающим клювом. Как жутко она смеялась над ними в ту темную ночь! И вот они подползли друг к другу, что-то бормоча и урча про себя – уже давно они этого не делали, – и ели, ели, пока не наелись досыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.